

В.И. Кулаков

**Пути янтарной торговли
и миграция племен в I–V вв. н.э.
в Южной Балтии**

За последние 30 лет археология эстиев/пруссос сделала мощный рывок вперед. Это связано не с обретением полевыми исследованиями «масштабного характера» ввиду развертывания новостроечных работ, как считают некоторые далекие от реалий балтийской археологии иностранные коллеги [13, с. 6]. Проведение упомянутых выше работ спасательного характера, как правило, ориентировано не на целенаправленное решение четко обозначенных научных задач, а на соблюдение государственного законодательства по охране объектов культурного наследия, невзирая на их культурную принадлежность или хронологию.

Прорыв был осуществлён прежде всего за счет научно ориентированных работ на базовых памятниках археологии Калининградской области, проводившихся Балтийской экспедицией Института археологии РАН по выполнению грантов Российского Гуманитарного Научного Фонда (РГНФ).

Выявление трасс, по которым велась янтарная торговля, связанных с этим передвижений групп древнего населения различных уголков Европы, – одна из самых крупных задач, стоящих перед археологами Балтии. Несмотря на заметные успехи в археологии Калининградской области, Северной Польши и Западной Литвы, то есть – в регионах, соответствующих крупнейшим в мире месторождениям янтаря и местам его берегового сбора, мы находимся еще достаточно далеко от решения этой задачи. Одна из причин этого – отсутствие динамичных контактов между специалистами названных стран, занимающихся проблемами янтарной торговли в древности. Вопрос номер один, который должен быть обсужден в резуль-

V.I. Kulakov

**Routes of amber trade and migration
of tribes in the 1st-5th centuries AD
in the Southern Baltic**

In the past 30 years the archaeology of Aestii/Prussians has made a drastic shoot forward. This is not connected with field works having acquired a “wide scale character” due to new housing developments as some foreign counterparts, who are not involved in the realia of the Baltic archaeology, believe [13, p. 6]. Conducting of the afore-mentioned rescue works is, as a rule, orientated not to the focused attainment of clearly set scientific objectives, but to the observance of state legislation on the protection of objects of cultural heritage in spite of their cultural identity of chronology.

The breakthrough was made, first of all, due to the research-orientated works at the primary monuments of archaeology of the Kaliningrad region conducted by the Baltic expedition of the RAS Institute of Archaeology within implementing grants of the Russian Humanitarian Research Foundation (RHRF).

Identification of routes along which trade in amber was conducted, migrations of groups of ancient population of different corners of Europe connected with this is one of the greatest objectives set before the archaeologists of the Baltic. Despite notable successes in the archaeology of the Kaliningrad region, Northern Poland and Western Lithuania, i.e. of the regions coinciding with the largest in the world amber deposits and sites of its coastal gathering, we are still far away from attaining the said objective. One of the reasons for this is the lack of robust contacts between experts from the said countries involved in studying issues of amber trade in the antiquity. The number one issue which must be considered as a result of these necessary contacts is the search of procedures optimal for solving the problem of

тате этих необходимых контактов – поиск методики, оптимальной для решения проблемы янтарной торговли. Отсутствие этой методики приводит к тому, что исследователи любые свидетельства о контактах между древними обитателями Балтии трактуют так, как им выгодно, интерпретируя эти контакты так, как им (исследователям) в данный момент нужно.

Живущий в Стокгольме украинский археолог Ф.А. Андрощук, используя сообщения «Кнютлинга-Саги» о меховых дарах самбийского купца Витгаутра датскому конунгу Кнуту Лаварду, делает вывод о том, что «Витгаутр, вероятно, занимался продажей мехов» [1, с. 122]. Основываясь на этом весьма смутном сообщении Саги и на данных Адама Бременского о посреднической роли прусских купцов в меховой торговле, автор пытается опровергнуть мой тезис о ведущей роли янтарной торговли у обитателей Самбии в эпоху викингов [5, с. 135].

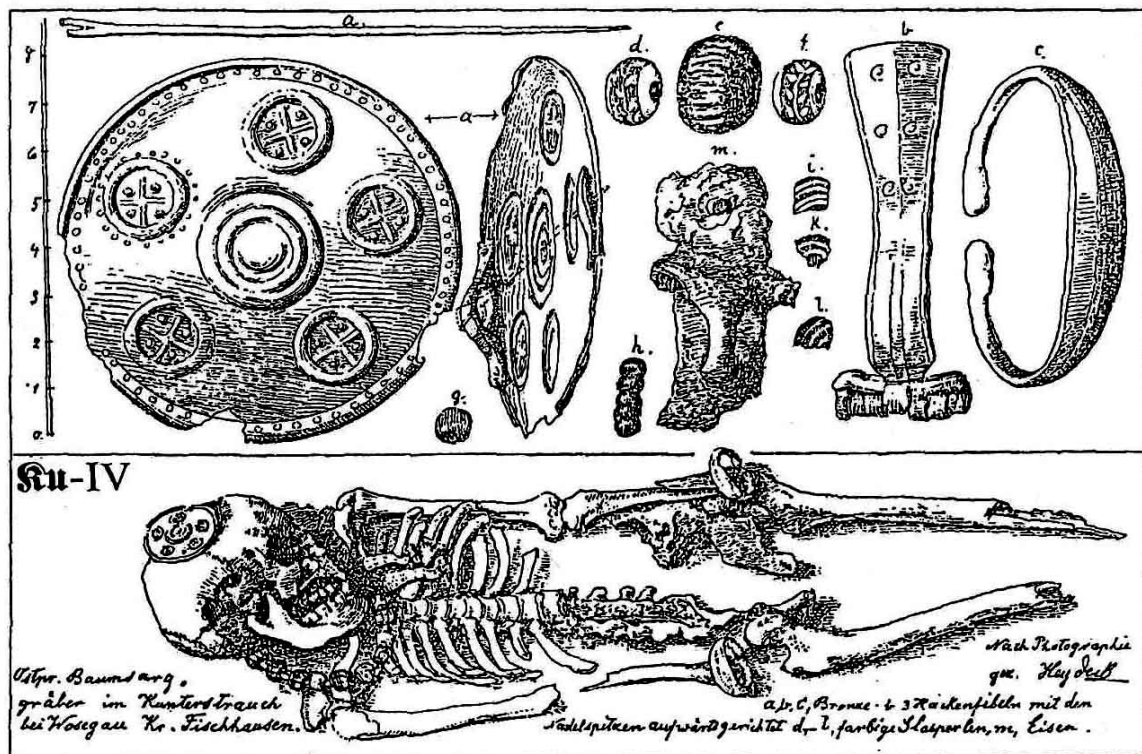
Рис. 1. Погребение IV могильника Kunterstrauch [10, рис. 3]

Fig. 1. Interment IV of the burial site Kunterstrauch [10, fig. 3]

amber trade. The lack of such procedures results in the researchers viewing any evidence of contacts between the ancient inhabitants of the Baltic in the way it is convenient for them, interpreting the contacts as they (researchers) need at a particular time.

A Ukrainian archaeologist F.A. Androshchuk using the information from the “Knýtlinga saga” about fur givings of the Sambian merchant Vitgautr to the Danish konung Knut Lavard, draws a conclusion that “Vitgautr was perhaps involved in the sales of furs” [1, p. 122]. Basing his ideas on this quite vague information from the Saga and on the data of Adam of Bremen about the mediating role of Prussian merchants in furriery, the author is trying to challenge my point about the leading role of trade in amber among the inhabitants of Sambia in the Vikings age [5, p. 135].

The subject of furriery as opposed to trade in amber in the North of Europe was developed by P.V. Shuvalov. In his comprehensive article, he is trying to represent the spreading of the types of Sambian adornments of the Roman times towards North-East as a result of the furriery [14, p. 82]. However, the Leningrad counterpart failed to explain why Aestii living in forests rich in peltry

Тему меховой торговли в противовес янтарной торговле на севере Европы развивал П.В. Шувалов. В своей обширной статье он пытается распространение типов самбийских украшений римского времени в северо-восточном направлении выдать за результат меховой торговли [14, с. 82]. Правда, зачем эстиям, живущим в богатых пушниной лесах, меха из земель современных Эстонии и Финляндии, ленинградский коллега читателю объяснить не смог. Постоянно ссылаясь на монографию А. Битнер-Врублевской, П.В. Шувалов не обратил внимание на то, что распространение скандинавских изделий с орнаментикой в стиле Сесдала варшавская коллега связывает не с меховой торговлей, а с походами скандинавов за самбийским янтарем [16, p. 135]. Таким образом, вырисовываются очертания методики, которую ряд восточноевропейских коллег применяет для реконструкции торговой ситуации в Балтии на различных фазах I тыс. н. э. Методика сия заключается, очевидно, в следующем: межплеменные контакты фиксируются на примере наличия «импортных» изделий и объявляются результатами той формы торговли, которая интересует конкретного исследователя. Другие причины «миграций» находок (например, в результате перемещения племен, в частности – герулов из византийских пределов через Подунавье в Юго-Восточную Балтию и далее в Скандинавию в 491 г. [11, с. 86]) не учитываются. Археологическая конкретика, связанная в археологическом материале с добычей пушнины и с выделкой мехов (например, деревянные «колки» для растяжки и просушки мехов из погребения 30 могильника Vidgiriai, Šilutės raj., Lietuva [20, 51 pav.]; песчаниковый наконечник стрелы из погребения 60 могильника «Гора Великанов», пригодный для охоты на пушного зверя [4, с. 102, рис. 2]), адептами новой методики в расчет не принимается.

Как пример данной методики можно упомянуть «монографию в журнале» М.М. Казанского, которую он выпустил в свет недавно и посвятил скандинавской меховой торговле на пороге Средневековья [3, с. 17–127]. Подробно характеризуя межэтнические контакты в середине I тыс. н.э. в бассейне Балтики, автор стремится объяснить их, в частности, феноменом меховой торговли, отмеченной для этого реги-

would have needed furs from the lands of the present-day Estonia and Finland. Permanently referring to the monograph by A. Bitner-Wróblewska, P.V. Shuvalov missed the fact that the spreading of Scandinavian articles with the ornamentation in the Sösdala style is connected by the Warsaw counterpart not with furriery but with the Scandinavians' journeys for the Sambian amber [16, p. 135]. Thus, a technique is shaping up which a number of the East European counterparts apply for the reconstruction of the situation in trading in the Baltic at different stages of the 1st century AD. The technique seems to lie in the following: the intertribal contacts are established through the example of the presence of „imported” goods and are declared as the results of the form of trade that this particular researcher is interested in. Other reasons for the finds' „migration” (for example, as a result of the tribes migration, in particular – the Heruli from the Byzantine area via from Danube country to the South-East Baltic and further to Scandinavia in 491 [11, p. 86]) are not taken into consideration. The archaeological particularities linked in the archaeological material with procuring peltry and with elaboration of furs (for example, wooden „spikes” for stretching and drying furs from interment 30 of the burial ground Vidgiriai, Šilutės raj., Lietuva [20, 51 pav.]; arenated arrowheads from interment 60 of the burial ground „Mount of Giants” suitable for fur animal hunting [4, p. 102, Fig. 2]), are not taken into account by the adherents of the new technique.

As another example of the technique in question, one can mention a „monograph in the journal” by M.M. Kazansky which was published quite recently and is dedicated to the Scandinavian furriery on the verge of the Middle Ages [3, p. 17–127]. Characterizing in great detail the interethnic contacts in the middle of the 1st century AD in the basin of the Baltic, the author is striving to explain them, in particular, by the phenomenon of furriery, noted as being common of the region with the late antiquity authors [ibid, p. 49]. The expansion along the coast of the South-East Baltic of the groups of population of „band of men” appearance with the signs of Scandinavian ethnic and cultural influence is seen by M.M. Kazansky as an indication of the establishment of bases of the prospective Eastern route for trading in furs [ibid, p. 113]. In fact, this conclusion can exist only as a guess that must be confirmed by specific

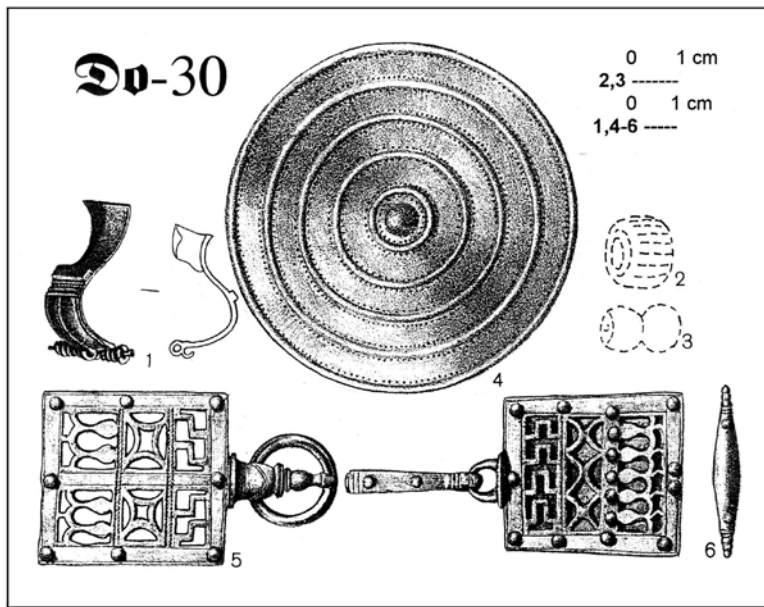

Рис. 2. Инвентарь погребения 30 могильника Dollkeim/Коврово [8, рис. 27]

Fig. 2. Gear of the interment 30 of the burial site Dollkeim/Kovrovo [8, fig. 27]

archaeological material. M.M. Kazansky admitted the presence of trade in amber only in one region of the Baltic – in the geographical range of Aestii/Prussians – [ibid, p. 22]. He could not deny the obviousness of the fact.

The main thing that unites all the afore-mentioned counterparts is the remoteness of their main research interests

она у позднеантичных авторов [там же, с. 49]. Распространение по берегу Юго-Восточной Балтии групп населения дружинного облика с признаками скандинавского этно-культурного влияния воспринимается М.М. Казанским как показатель налаживания основ будущего Восточного пути для торговли мехами [там же, с. 113]. На самом деле этот вывод может существовать лишь как догадка, требующая подтверждений конкретным археологическим материалом. Только в одном регионе Балтии – в ареале эстиев/пруссосв – М.М. Казанский признал наличие янтарной торговли [там же, с. 22]. Очевидность этого факта отрицать он не смог.

Главное, что объединяет всех упомянутых выше коллег, – удаленность их основных научных интересов от древностей Балтии. Фактически эти коллеги показывают новый подход к изучению регионов Европы, ими используется метод так называемой «глобальной археологии», заключающийся в переносе исследовательских приемов, отработанных на одних регионах, на другие части нашего континента. Фактически девизом этого метода можно назвать slogan одного из современных фондов – «Хочешь быть археологом – будь им». Однако, зная древности Северной Галлии римского времени, нельзя с их мерками подходить к археологическому материалу Юго-Восточной Балтии эпохи Великого переселения народов.

from the antiquities of the Baltic. In fact, the counterparts are demonstrating a new approach to studying the regions of Europe; they use the technique of the so-called “global archaeology” which lies in the transfer of research techniques proven in some particular regions to the other parts of our continent. Actually, the motto of the technique could be the slogan of one of the modern foundations: “If one wants to be an archaeologist – let one do it”. However, knowing the antiquities of the Northern Gallia of the Roman times, one should not use it in handling the archaeological materials of the South-East Baltic of the period of the Great transmigration of peoples.

Thus, the only unquestionable product of trading which can be established both in accordance with the concrete representation in the archaeological complexes (adornments, raw material), and also forecasted by simulating the process (optimal product being the basis for the contacts of different kind between the ethno-cultural communities) for the South-East Baltic in the pre- and early historic period is amber.

It is clear, the method of the product of trade most logical for the given region does not point at amber as being the only (although obviously very important) product of this kind. Moreover, even on the scale of the whole Baltic (the area of inhabitation of the Balts and maritime Finno-Ugric peoples) of the early and middle Iron Age, it is premature to talk about amber as a leading product of

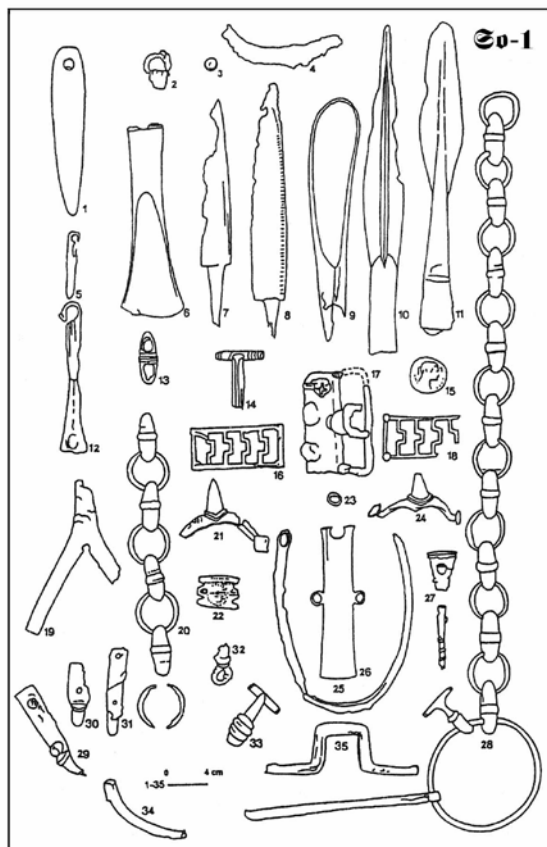
Рис. 3. Инвентарь погребения 1 могильника Sorthenen/Куликово [5, рис. 24]

Fig. 3. Gear of the interment 1 of the burial site Sorthenen/Kulikovo [5, fig. 24]

Итак, единственным неоспоримым продуктом торговли, который может быть зафиксирован как по конкретной представленности в археологических комплексах (украшения, сырье), так и спрогнозирован путем моделировки процесса (оптимальный продукт, являющийся основой контактов разного рода между этно-культурными общностями) для Юго-Восточной Балтии в до- и раннеисторическое время является янтарь.

Разумеется, метод наиболее логичного для данного региона продукта торговли не указывает на янтарь как на единственный (хотя явно весьма важный) такой продукт. Более того, даже в масштабах всей Балтии (область обитания балтов и приморских финно-угров) раннего и среднего железного века преждевременно говорить о янтаре как о ведущем продукте межплеменной торговли/обмена. Этот постулат надо обосновывать фундаментально. На основании многолетних исследований ученым разных стран Европы удалось установить наличие двух основных трасс янтарной торговли в древности – Рейнский путь из Ютланда на юг Европы (до III в. н.э.) (рис. 6) и Вислинский путь, соединявший Самбию и Северную Италию на протяжении I–V вв. н.э. [5, рис. 82]. Пока лишь основываясь на указанном методе исследования, можно предварительно наметить направления и даты племенных миграций и этнокультурных влияний, фиксируемых во II–V вв. н.э. на Янтарном берегу.

1. В эпоху Маробода (фаза B_{1a}-B_{1b}) кельты-лугии, контролировавшие по р. Висле Янтарный путь, выходят на Янтарный берег [21, s. 197]. Связанные с этими кельтами погребения с труположениями [12, с. 169] появляются на могильниках Самбии (рис. 1). Прибывшие сюда в эпоху Нерона римские торговцы контактировали и торговали с романизованными кельтскими «провинциалами», попавшими на Янтарный берег из Подунавья в надежде на участие в янтарной торговле. Их надежды реализовались. Скорее всего, именно кельтов под именем «эстии» (древнегерм. «живущие на востоке»), чей «...язык ближе к британскому»,

the intertribal trade/exchange. This presupposition must be fundamentally substantiated. On the basis of the long-term studies, researchers from different European countries managed to determine the presence of the two main routes of trading in amber in the antiquity – the Rhein route from Jutland to the South of Europe (before the 3rd century AD) (Fig. 6) and the Vistula route connecting Sambia and North Italy during the 1st-5th centuries AD. [5, Fig. 82]. Still basing on the mentioned research method, it is possible to preliminary outline the directions and the dates of tribal migrations and ethno-cultural influences recorded in the 2nd - 5th centuries AD on the Amber coast.

1. In the period of Marobodus (phase B_{1a}-B_{1b}) the Celts-Lugii which controlled the Amber route along the river Vistula approach the Amber coast [21, p. 197]. Burials with corpse positioning connected with these Celts [12, p. 169] appear at the burial grounds in Sambia (Fig. 1). The Roman merchants who came here in Neronian epoch had contacts and traded with the c Romanized Celtic „provincials” who got to the Amber coast from the Podunavlje in the hope of participating

описал в своем знаменитом труде Корнелий Тацит [15, с. 226]. Используя птолемеевское имя этих пришельцев (венеды), следует эпоху их присутствия на Самбии (засвидетельствовано труположениями и большим количеством находок, имеющих дунайское происхождение, в частности – поясами норико-паннонского типа – рис. 2) на фазах B_1 – начало B_2/C_1 именовать «венедским» горизонтом древностей эстиев [5, с. 240].

2. Завершение Маркоманских войн, пришедшее на конец фазы B_2/C_1 , знаменовало начало нового горизонта древностей эстиев. На Янтарном берегу и в его окрестностях широко распространяются арбалетовидные фибулы с подвижной ножкой (типы AVII,211 и AVI,167), в начале III в. появляются застёжки с кольцевой гарнитурой. Труположения сменяются безурновыми кремациями с каменными кругами и «надгробиями» типа Merkstein. Начинает увеличиваться число захоронений с конями, первые из которых были известны на Самбии еще в «венедском» горизонте. Учитывая произошедшее именно в конце Мар-

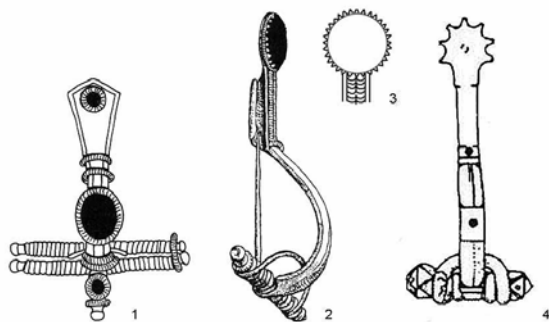

Рис. 4. Реконструкция процесса становления звездчатых ножек у фибул западных балтов: 1, 2 – скандинавские серебряные фибулы с вставками из гранатового стекла [18, S. 526, Abb. 121, 6, 7]; 3 – реконструкция гнезда на ножке такой фибулы с утраченной вставкой; 4 – фибула из погребения 370 Dollkeim/Коврово [6, рис. 2]

Fig. 4. Reconstruction of the process of development of fibulas' asterial legs of Western Balts: 1, 2 – Scandinavian silver fibulas with inserts from garnet glass [18, p. 526, Abb. 121, 6, 7]; 3 – reconstruction of a bezel on the leg of such a fibula with a lost insert; 4 – fibula from the interment 370 Dollkeim/Kovrovo [6, fig. 2]

in the amber trade. Their hopes were realized. It is most likely that it was the Celts under the name of „Aestii” (ancient German “living in the East”), whose “...language is closer to British”, that were described in the famous work by Cornelius Tacitus [15, p. 226]. Using the Ptolemean name of those foreigners (Veneti), one should call the period of their presence in the Sambia (proven by the corpse positioning and a large number of finds of the Danube origin, in particular – belts of the Noricum-Pannonia kind – Fig. 2) at the phases B_1 – beginning of B_2/C_1 a “Venedic” horizon of the antiquities of the Aestii [5, p. 240].

2. Ending of the Marcomani wars that fell within the end of phase B_2/C_1 , marked the beginning of a new layer of antiquities of the Aestii. Arbalast-shaped fibulas with tied leg (types AVII, 211 and AVI, 167) became very common on the Amber coast and in the surrounding country; in the early 3rd century clasps with ring-shaped fitting appeared. Corpse placing is replaced with urn-free cremations with stone circles and „tombstones” of the Merkstein type. The number of burials with horses begins to increase, first of which were known in Sambia as early as in the „Venedic” layer. Taking into consideration desolation of the North of Jutland, an indigenous area of settlement of the tribe of Cimbri, that took place exactly at the end of the Marcomani wars, it is assumed that it was them or their descendants (that seems more logical) who moved to Sambia. There are several reasons for this: flooding of part of Jutland as a result of the transgression of the North Sea, depletion of amber deposits located in Jutland, a desire of groups of Teutons to receive a share in the carve-up of amber “heritage of the Veneti”. A new layer of antiquities of the Aestii was called “Cimbrian” after Cimbri (phases B_2/C_1 – C_2/D_1) [ibid, p. 248]. Interments common of those days and found at the burial sites of Sambia and in its close surroundings (Fig. 3) correspond on the whole to the Teutons' burial antiquities of Western Pomerania and Danish islands.

3. The period of the Great transmigration of peoples, whose beginning was marked by the battle at Adrianople (378 AD), is denoted for the Amber coast by the beginning of spreading here, at the western border of the Balts world, of fibulas with asterial leg of the Bitner-Wróblewska II type. Quite numerous finds (N. Åberg by 1919 had collected 77 items of such artefacts from the territory

команских войн запустение севера Ютланда, исконной территории расселения племени кимбров, предполагается, что именно они или их потомки (что более логично) переселились на Самбию. Причин тому несколько: затопление части Ютланда в результате трансгрессии Северного моря, истощение расположенных на Ютланде янтарных месторождений, стремление групп германцев получить долю в дележе янтарного «наследства венедов». По имени кимбров новый горизонт древностей эстив назван «кимврским» (фазы $B_2/C_1 - C_2/D_1$) [там же, с. 248]. Типичные для этого времени погребения, выявленные на могильниках Самбии и ее ближних окрестностей (рис. 3), в целом соответствуют германским погребальным древностям Западной Померании и датских островов.

3. Эпоха Великого переселения народов, начало которой было ознаменовано битвой при Адрианополе (378 г. н.э.), фиксируется для Янтарного берега началом распространения здесь, на западной границе балтского мира, фибул со звездчатой ножкой типа Bitner-Wróblewska II. Довольно многочисленные находки (Н. Оберг к 1919 г. собрал 77 экз. таких артефактов с территории провинции Восточная Пруссия) фибул в центре полукруглого расширения на конце их ножки нередко показывают наличие знака «звезда». Эти фибулы поименованы «фибулами со звездчатой ножкой» (нем. Sternfußfibeln). Анна Битнер-Врублевска, разработавшая типологию этих фибул, справедливо выводит их из распространенных в Западной Мекленбурге и в различных частях Померании застежек с округлыми «щитками» на ножках и на дужках, датированных первой половиной IV в. н.э. [16, s. 51]. Автор данных строк согласен с этим выводом и представляет в целом процесс становления фибул со звездчатой ножкой на рис. 4. На фазах $C_1 - C_3$ (C_2/D_1) в Юго-Западной Скандинавии распространяются упомянутые выше фибулы со вставками полудрагоценных камней или рубинового стекла. Изготавливая эти вставки, мастера Севера Европы продолжали провинциально-римские традиции. В соответствии с ними крепления вставок на ножках фибул могли осуществляться при помощи треугольных струбцин, напаянных на плоскость ножки [17, S. 713, Abb. 4]. Первые звездчатые

of the province East Prussia) of fibulas in the centre of a semicircular widening at the end of their leg quite often indicate the presence of the “star” sign. These fibulas are named “fibulas with asterial leg” (German Sternfußfibeln). Anna Bitner-Wróblewska, who developed the typology of these fibulas, rightly removes them from the clasps with rounded “screens” on legs and arms, which were common in Western Mecklenburg and in different parts of Pomerania and which date back to the first half of the 4th century AD. [16, p. 51]. The author of the present article agrees with the conclusion and represents the general process of development of fibulas with asterial leg in Figure 4. At the phases $C_1 - C_3$ (C_2/D_1) the above-said fibulas with inserts of semi-precious stones or ruby glass

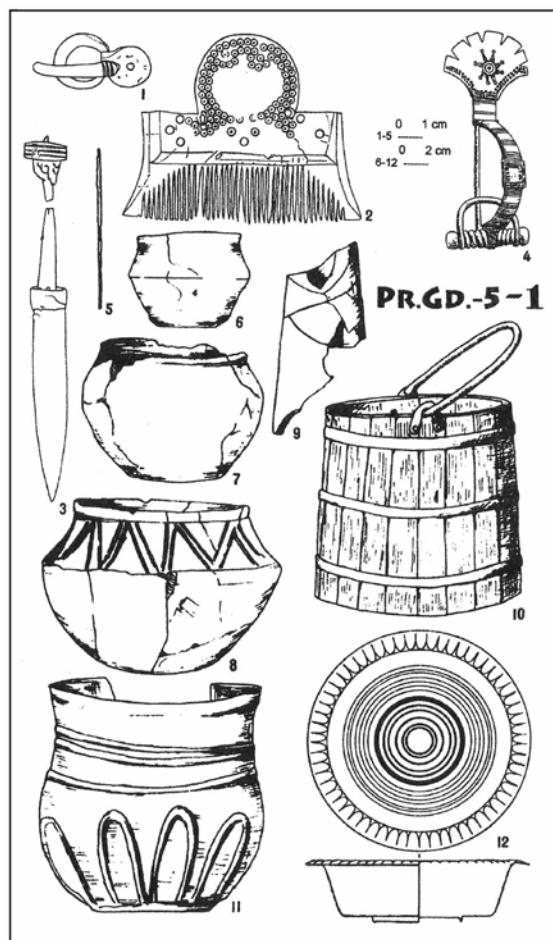

Рис. 5. Инвентарь погр. 1 могильника Praust/Pruszcz Gdański, woj. gdańskie Polski [7, рис. 3]

Fig. 5. Gear of the interment 1 of the burial site Praust/Pruszcz Gdański, woj. gdańskie Polski [7, fig. 3]

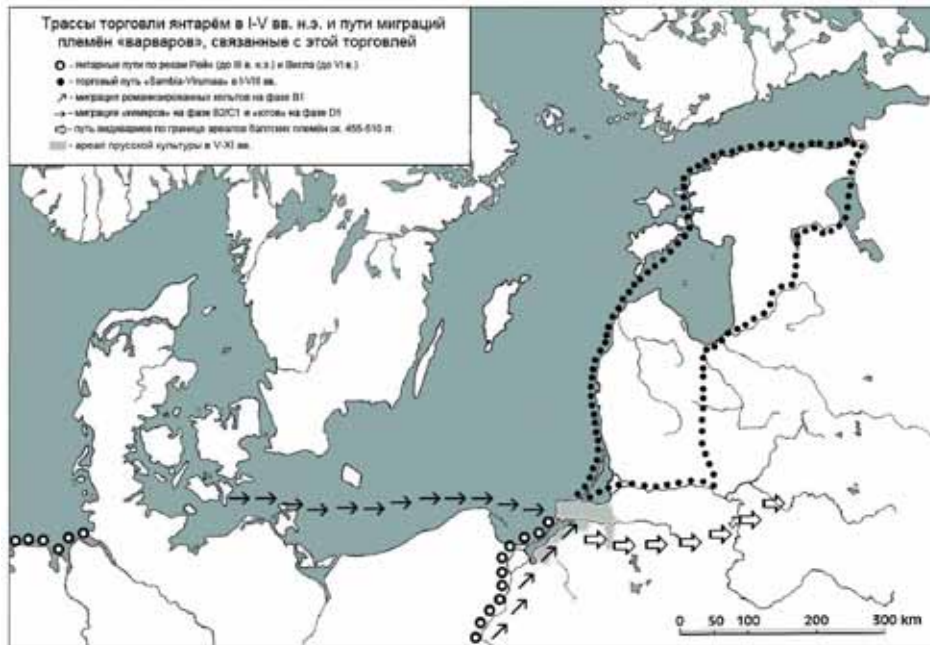

Рис. 6. Трассы торговли янтарем и пути связанных с этим племенных миграций в I–V вв. н.э.

Fig. 6. Roads of amber trade and routes of the relevant tribal migrations in the 1st–5th centuries AD

фибулы типа Bitner-Wróblewska II появились в комплексах поздневелибарского облика (например – погр. 1 могильника Praust/Pruszcz Gdanski, woj. Gdanskie Polski, рис. 5), датированных началом – первой половиной V в. н.э. и оставленных видивариями [7, с. 57], «...собранными из различных племен» [2, с. 67] и названными в честь своего вождя Vidya [19, р. 49], известного в прусских легендах под именем «Видевут». «В V в. н.э. на священных для германцев островах Западной Балтики меняется этническая ситуация. Возможно, именно в гуннскую эпоху гипотетические юты сменяются здесь пришельцами из Сконе – данами (...). Автохтоны и носители недавно обретенного культа Водана/Одина англы и юты в массе своей устремляются как на запад на завоевание Британии, так и на восток... Это гипотетическое путешествие части обитателей островов западной Балтики... скорее всего, упомянуто Симоном Грунау в «Прусской хронике» [7, с. 51]. Данное переселение на Янтарный берег привело к появлению группировки видивариев. Стремление их к устью р. Вислы и на Самбию не в последнюю очередь

become common in the South-West Scandinavia. Making these inserts, craftsmen from the North of Europe carried on provincial-Roman traditions. In accordance with them, fixation of inserts on the fibulas' legs could have been done with the help of triangular clamps, soldered onto the body of the leg [17, p. 713, Abb. 4]. The first asterial fibulas of the Bitner-Wróblewska II type appeared in the complexes of the late Wielbark appearance (for example – interment 1 of the burial site Praust/Pruszcz Gdański, woj. gdańskie Polski, Fig. 5), dating back to the beginning – first half of the 5th century AD and left by the Vidivarii [7, p. 57], “...who gathered together from different tribes” [2, p. 67] and were called after their chief Vidya [19, p. 49], known in the Prussian legends under the name of “Videvut”. “In the 5th century AD the ethnic situation changed on the sacred for the Teutons islands of the Western Baltic. Perhaps, exactly in the Huns period the speculative Jutes are replaced here with the comers from Skine – the Danes (...). The autochthons and bearers of the recently acquired cult of Wodan /Odin - Anglians and Jutes - mainly head for both the West to conquer Britain, and to the East... This speculative journey of part of the inhabitants of the islands of western Baltic... is likely to have been mentioned by Simon Grunau in his “Prussian chronicle” [7, p. 51]. The migration to the Amber coast resulted in the emergence of a group of the Vidivarii.

было ориентировано на овладение истоками янтарной торговли.

Появившиеся примерно в первом десятилетии V в. н.э. в дельте Вислы и распространившиеся затем на восток, на Самбию, видиварии заложили основы прусской культуры, сформировавшейся к середине V в. Материальным маркером этого процесса являются фибулы со звездчатой ножкой, появившиеся в земле эстиев/пруссков Витланде в результате скандинавского этно-культурного импульса (с переселенцами с Ютланда, с отрядами воинов, шедшими Вислинским путем на юг, к границам Империи, или стремившимися принять участие в янтарной торговле) и отражавшие миф о солнце, отдыхающем в кроне дуба с серебряной листвой [22, s. 62], на века вошедший в сокровищницу духовной культуры балтов.

Вторыми и более поздними материальными свидетельствами деятельности видивариев (точнее – их второго поколения) в Юго-Восточной Балтии являются трехлопастные фибулы со звериными головами, ножи-кинжалы и трехлопастные наконечники стрел гуннского облика [4, с. 103]. Находки последних показывают стремление видивариев, точнее – носителей прусской культуры ранней фазы, в конце V – начале VI вв. от Самбии распространить свое влияние в Понеманье, закладывая основы Неманского и Восточного торговых путей, актуализировавшихся в эпоху викингов. Итогом инициатив видивариев стало создание торгового пути “Sambia-Virumaa” (рис. 6), действовавшего примерно в 475–700 гг. как по рекам Балтии, так и по морю вдоль ее побережья [19, p. 50]. Важным, если не основным продуктом торговли по этому пути стал янтарь. Учитывая близость к западной окраине балтского мира ареалов расселения различных германских племен, влияние их культуры на культ пруссов и куршей не вызывает сомнений [9, с. 25]. Этот постоянно возобновлявшийся процесс обогащал духовную культуру балтов и улучшал взаимопонимание между представителями двух крупных этно-языковых обществ Европы. В основе этого уникального процесса культурной интеграции, пронизывающего германский и балтский миры вплоть до современности, лежит стремление к участию в торговле янтарем – универсальным продуктом межплеменного обмена/торга на Балтике за последние 5 тысяч лет.

Their heading for the estuary of the river Vistula and to Sambia was also due to their aspiration to obtain the origins of trade in amber.

The Vidivarii, who appeared approximately in the first decade of the 5th century AD at the estuary of the Vistula and later expanded to the East, towards Sambia, laid the foundations of the Prussian culture that had developed by the middle of the 5th century. The material marker of this process is the fibulas with asterial leg which appeared in the land of Aestii /Prussians Witland as a result of Scandinavian ethno-cultural impetus (with migrants from Jutland, with detachments of warriors going along the Vistula route to the South, towards the borders of the Empire, or striving to take part in the amber trade) and reflecting the myth about the Sun resting in the top of an oak tree with silver leaves [22, p. 62] that has entered the treasury of the Balts' spiritual culture for centuries.

The other and later material evidence of the activities of the Vidivarii (to be more exact – of their second generation) in the South-East Baltic is the three-blade fibulas with animal heads, knives-daggers and three-blade arrowheads of the Huns' shape [4, p. 103]. The finds of the latter show an aspiration of the Vidivarii, rather – of the bearers of Prussian culture of the early phase, to extend their influence in Neman area from Sambia at the end of the 5th – beginning of the 6th century, laying the foundation of the Neman and Eastern trade routes which became actual in the Viking period. The result of the Vidivarii's initiatives was the establishment of the trade route “Sambia-Virumaa” (Fig. 6) that was functioning in around 475–700 both along the rivers of the Baltic and in the sea along its coast [19, p. 50]. An important, perhaps even the main, product of trade along this route was amber. Taking into consideration the proximity of the area of settlement of different Germanic tribes to the western edge of the Balts world, the influence of their culture on the cult of the Prussians and the Kuronians does not admit of doubt [9, p. 25]. This constantly recommencing process enriched the Balts' spiritual culture and improved the mutual understanding between the representatives of the two large ethno-linguistic communities of Europe. The basis of this unique process of cultural integration, pervading the Germanic and the Balts worlds up till the present, is an aspiration to participate in the trade in amber – a universal product of the intertribal exchange/trade in the Baltic in the past five thousand years.

Список литературы List of references

1. Андрощук Ф.А. От Рагнара Лодброка до Витгаутра (о датских и шведских контактах сембов и куршей в эпоху викингов и в раннем средневековье) // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб, 2004. С. 109–140.
2. Йордан. О происхождении и деяниях гетов. “Getica”, СПб., 1997.
3. Казанский М.М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Stratum plus. № 4. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2010. С. 17–127.
4. Кулаков В.И. Эхо гуннских войн в Балтии // Гістарычна-археалагічны зборник. № 17. Мінск, 2002. С. 101–111.
5. Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. М., 2003.
6. Кулаков В.И. Два поколения воинов До–370 // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. Ч. II. М., 2003. С. 67–73.
7. Кулаков В.И. Боги Видевута // Letonica. Rīga, 2004. № 10. С. 36–64.
8. Кулаков В.И. Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г. Минск, 2004.
9. Кулаков В.И. Верования западных балтов в эпоху викингов // Проблемы межрегиональных связей. Калининград; СПб; М., 2007. Вып. 5. С. 23–25.
10. Кулаков В.И., Казаченко Ж.Ю. Кунтерштраух: забытый памятник прусской археологии // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 222. М., 2008. С. 90–98.
11. Лавров В.В. Из истории скандинаво-причерноморских связей (III–IV вв. н.э.) // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб, 1997.
12. Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994.
13. Симоненко А.В. Предисловие // Germanica-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград, 2008. С. 6, 7.
14. Шувалов П.В. Pelles Sappherinae и Восточный путь. К вопросу о политической истории Балто-Скандии в V–VI вв. // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб, 2004. С. 73–108.
15. Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.
16. Bitner-Wróblewska A. From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. Warszawa, 2011.
17. Haseloff G. Die germanische Tierornamentik der Völkerwanderungszeit. Studien zu Salins’s Stil I. Bd. III, Berlin; N.Y., 1981.
18. Jørgensen L. Fibel und Fibeltracht. Jüngere Kaiserzeit // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 8. Berlin; New York, 1994. S. 524–536.
19. Kulakov V.I. The Origin of the “Eastern Way” – Avstrwegr // Slavia Antiqua, T. XLV. Poznań, 2004. P. 47–54.
20. Šimėnas V. Etnokultūriniai procesai Vakarų Lietuvoje pirmojo mūsų eros tūkstantmečio viduryje. Vilnius, 2006.
21. Wielowiejski J. Główny szlak bursztyniowy w czasach cesarstwa rzymskiego, Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980.
22. Zubiński T. Mitologia bałtyjska. Sandomierz, 2009.